

Мутная вода, доходившая до пояса, испускала сильный запах гнили. Черви и змеи, плававшие в ней, кусали его ноги, оставляя следы грязи и ила.

Четырнадцать лет. Неизвестно, до какого состояния успели согнуть его ноги, которые теперь неподвижно лежали в грязи. Даже согнуть их было роскошью. Марионетка могла бы свободно двигать суставами, но он, обладая человеческим телом, теперь был лишь жалкой развалиной.

Внезапно острая боль пронзила его.

Запястья, шея и погружённый в воду живот болели так, словно их топтали копытами. Шипы впивались в плоть, и, хотя он широко открыл рот, чтобы кричать, никакого звука не последовало. Оказалось, что даже язык больше не слушался.

Боль длилась целый час, после чего наступило сильное давление, которое вызывало тупую боль, проникающую вглубь внутренних органов, заставляя его духовное сознание активировать управление духом.

— Хм, четырнадцать лет, день за днём так ненасытно, можно сказать, усердно практикуешься...

В водной тюрьме не было света, а узкое пространство едва вмещало прикованного мужчину.

Он не мог опустить голову, лишь слегка запрокинув её. Шипы, обвивавшие его шею и запястья, были покрыты сгустками крови, которая, растекаясь по воде, на мгновение окрашивала её в красный, прежде чем исчезнуть в чёрной грязи.

Из-за долгого отсутствия солнечного света его кожа была бледной, почти светящейся, а тонкие сосуды на щеках отчётливо виднелись, контрастируя с запёкшейся кровью на шее, что придавало ему зловещий вид.

Песок и пыль оседали на его длинных чёрных волосах, превращая их в спутанные космы, а потрескавшиеся губы уже не напоминали прежние.

Он был похож на злого духа, вернувшегося из загробного мира, с пустыми глазами, лишёнными всякого света.

Здесь, в этой тюрьме, невозможно было отследить дни и месяцы. Четырнадцать лет были лишь его упрямым ожиданием. Он хотел получить ответ.

Уши Ши Сюня слегка дрогнули, а язык с трудом проглотил слюну. Кто-то приближался.

Издалека донёсся звук лодки, рассекающей воду, и в его душе вновь пробудилась тянущаяся

отчаянием радость.

Сколько времени он не слышал звуков? Пройдя через четырнадцать лет, угасающая надежда вновь вспыхнула, как умирающая рыба на суше, которая, широко раскрыв рот, пытается дышать, и вдруг на неё выплёскивают живительную воду.

Вскоре лодка остановилась перед Ши Сюнем. Повернув голову, он увидел яркий свет лампы, а затем — пару чёрных сапог и длинный тёмный халат, столь же безжизненный, как и сама тюрьма.

Ши Сюнь с трудом сглотнул, пытаясь увлажнить горло, и наконец раскрыл губы. Его голос, едва слышный, но в тишине тюрьмы звучал ясно:

— Что? Что ещё ты пришёл забрать?

Владелец тёмного халата имел глубокие глазницы и густые брови, но его лицо не было привлекательным. Тонкие губы, тёмные, — всё это создавало образ мужественного и холодного человека.

Он стоял на носу лодки, и даже подняв голову, Ши Сюнь мог видеть его лишь снизу.

— Мне нужен твой изначальный дух, чтобы воскресить Шан Юня.

Слова, произнесённые с холодной решимостью, пронзили сердце, но для Ши Сюня они были лишь вопросом времени.

Он улыбнулся, и эта улыбка была одновременно потрясающей и раздирающей душу, не соответствуя его нежному лицу.

Ши Сюнь открыл глаза, пытаясь ещё раз взглянуть на лицо человека перед ним, но внезапный свет в тёмной тюрьме лишь ослепил его.

Закрыв глаза, он ответил легко, но каждое слово было как удар топора, разрывающий его душу на части.

— Четырнадцать лет назад, если бы ты попросил это, я, возможно, не отказал бы. Но сейчас, что даёт тебе право?

— Твою преданность Шан Юню? Или твою глубокую любовь к Ши Сюню? Ты использовал мою душу, чтобы поддерживать его тело, а теперь день за днём мучаешь меня, заставляешь! Десять лет этой пьесы, тебе не противно?

Сдерживая четырнадцать лет тьмы и двадцать четыре года искренности, он не мог больше сдерживать свои эмоции.

— Го Мо! Загляни в своё сердце и спроси себя, что даёт тебе право? Ты достоин?

Его голос был хриплым, как лезвие, скользящее по камню, наполненным горечью и несправедливостью.

Но человек перед ним оставался непоколебим, не двигаясь ни на йоту, лишь крепко сжав кулаки, а затем расслабив их:

— Ты дашь или нет — это уже не важно. То, что я хочу, я возьму сам. Дух Шан Юня и твой изначальный дух — ничто не ускользнёт.

Словно вспомнив что-то приятное, его обычно строгое лицо смягчилось.

— Я использовал твою духовную энергию для практики четырнадцать лет, это не было пустой тратой времени. Теперь я — Высший бессмертный стадии Великой завершённости, а с твоим изначальным духом, Владыки Неба и Земли, я смогу стать Богом. Я уже нашёл новое тело для Шан Юня, и, если его душа продолжит практиковаться, он сможет восстановить свою Главную душу и изначальный дух.

— А что насчёт меня? Щедрый Го Мо, Высший бессмертный, какую же ты подготовил мне участь? Без изначального духа, без тела, с угасающей душой и потерянной Душой чувств, скажи, что мне остаётся?

Голос Ши Сюня был тяжелее, чем воды тюрьмы, словно одинокий корабль в бескрайней тьме, готовый исчезнуть в пучине.

— Каков же твой план? Забрать всё, что хочешь, а ненужное оставить на произвол судьбы.

Он говорил спокойно, без эмоций, но каждое слово было последней каплей его терпения.

К сожалению, он недооценил одержимость и привязанность другого.

— Ты? Какое ты имеешь ко мне отношение?

Произнеся это, Го Мо зажгёт в глазах зловещий свет, и чёрный туман начал окутывать его. Мощная духовная сила собралась в его ладонях, и узкая тюрьма осветилась, как в полдень.

Ши Сюнь наконец понял, что его надежды были напрасны. Он осознал, как он, Владыка Неба и Земли, дошёл до такого состояния. Теперь, с изначальным духом, скованным шипами Чжицзи, он не мог противостоять Го Мо.

Словно предвидя конец, Ши Сюнь замедлил дыхание, будто действительно сдался.

В этот момент духовная сила Го Мо уже сформировалась, и, толкнув её, он направил в шипы, опутывающие тело Ши Сюня.

Изначальный дух Ши Сюня начал непроизвольно выходить из его сознания. Мягкий свет постепенно появлялся на шипах на его запястьях, мерцая в такт с ними.

По мере того как Го Мо впитывал дух, мягкий свет превратился в слабый образ младенца. Когда он начал отделять его от шипов, Ши Сюнь почувствовал боль, пронизывающую каждую часть его тела, даже давно сгнившие ноги.

Собрав последние силы, он разорвал бесполезные шипы, ухватившись за выступ на стене, и с трудом встал в воде. Его взгляд был медленным и тёмным, выражение лица сдерживало ярость, но лишь на мгновение, после чего оно вновь стало пустым.

Го Мо уже поглотил исходный дух Ши Сюня, без колебаний соединив его со своим сознанием.

Оставшийся без хозяина дух был легко подчинён, исчезнув в момент поглощения.

Ши Сюнь вдруг улыбнулся, как лезвие, направленное в сердце. Пусть он забрал дух, но сможет ли он им воспользоваться?

По какой-то причине, поглотив дух Ши Сюня, Го Мо обнаружил, что ему не нужно прилагать усилий для его усвоения. Мягкий свет мгновенно наполнил его тело, а в сознании раздался мощный рёв, полный силы.

Это был знак превращения в Бога, и следующим шагом должно было стать испытание Грозным бедствием.

Однако внезапно произошла перемена. Свет пронзил сознание Го Мо, устремившись в небо, и Грозное бедствие обрушилось с девяти небес. Стены тюрьмы затряслись, а камни посыпались в воду, едва не опрокинув лодку, которую Го Мо с трудом удерживал.

Испытание Бога было настолько мощным, что даже на глубине тридцати футов можно было ощутить его разрушительную силу. Но всё это лишь заставило Го Мо нахмуриться, его тело наполнилось тревогой, а в сознании один за другим падали удары Грозного бедствия.

Такого быть не должно. С телом, впитавшим исходный дух Владыки Неба и Земли, он не должен был столкнуться с таким жестоким испытанием.

<http://bllate.org/book/15523/1379746>